

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итог.

Мы попытались пройти *с самого начала* путь к тому, что мы называем «окружающий мир». Так (т. е. с самого начала) пройти этот путь нельзя, если сразу же полагать, что мы идем *от* того, что «дано» нам каким-то образом независимо от нас. Но именно так прокладывает свой путь и идеализм, и материализм, и кантовский априоризм, и современная философия сознания: идея, материя, априорная форма сознания или физический мир оказываются предпосланы их пути. Что бы мы ни полагали в качестве подобной предпосылки, она в любом случае останется чем-то пред-посланным, а значит, и не оправданным. А это недопустимо, если мы хотим найти *оправданность* каждого шага, даже самого первого. Оправданность начала.

Оправданность не чем-то другим: так оправдать начало нельзя. Начало потому проблема, что его оправданность им же самим и должна полагаться. Как именно полагаться и как эта проблема решается — об этом мы и говорили.

Если начало найдено верно, оно открывает путь; даже не так: оно заставляет идти по открывшемуся пути. Теоретическая его часть пройдена, впереди — практическая. Нам предстоит увидеть, как можно *с самого начала* просчитать содержательность, как можно работать с ней, отдавая себе и другим отчет в каждом шаге, в каждом движении.

Ключевым для понимания сути проделанной теоретической работы и практического ее приложения, которым нам предстоит заняться, служит положение, которое невозможно не признать твердо установленным, во всяком случае, до тех пор, пока не будет доказано обратное. Оно заключается в следующем. Любая простейшая субъект-предикатная конструкция, т. е. связанность субъекта и предиката в вещь (если мы говорим о мире) или в высказывание (если имеется в виду речь), которую мы обнаруживаем в опыте, может быть выстроена — по меньшей мере — двумя альтернативными способами. Я предлагаю называть это утверждение гипотезой альтернативности.

Поясню сперва второстепенное. Я исхожу из того, что любые распространенные, сложные конструкции сводятся к простым, во всяком случае, в том отношении, что они не могут быть поняты без прояснения способа субъект-предикатного связывания, который мы вскрываем, разбирая простейшую субъект-предикатную конструкцию. Далее. Вещь мира и высказывание сближены на том основании, что и то и другое представляет собой субъект-предикатную конструкцию и может рассматриваться именно и сугубо с этой точки зрения, т. е. как результат смыслополагания. Смыслополагание рассматривалось в этой книге как тот единый «стержень»

(взятый как деятельность), на который нанизаны разные «слои» и «модусы» нашего сознания и который обнаруживает их внутреннее сходство, маскируемое внешней разделенностью. Чувственное восприятие — это восприятие вещей и их качеств, но если любой «сырой» материал может быть выстроен в вещь по крайней мере двумя альтернативными способами, то чувственное восприятие так же творчески нагружено, как и рациональное мышление.

Теперь главное. Говоря о субъект-предикатных «конструкциях», мы говорим об опыте, то есть о нашем восприятии мира и о его осмыслении и выражении в речи. Именно здесь мы встречаем *конструкцию*, т. е. *отдельные* субъект и предикат, которые как-то *связаны* между собой в нечто единое. Здесь отделенность и атомарность как будто исходны, тогда как связанность — итог и плод нашей конструирующей деятельности. Суть дела заключается в том, что *любая* субъект-предикатная конструкция *всегда* может быть выстроена (увидена, понята, истолкована, воспринята и т. д.) не меньше чем двумя альтернативными способами, причем в ней самой, т. е. в опыте как таковом, нет *ничего*, что предопределяло бы выбор того или иного способа ее выстраивания. Таково общее положение, которое выдвинуто как гипотеза и проиллюстрировано конкретными примерами (см. «Сознание как смыслополагание...» и «Логика субстанции и логика процесса...»). Именно это положение служит идейным центром всей книги, сворачивающим развернутость ее содержания в цельность, которая скорее может быть уподоблена кругу или сфере, нежели растянутой линии. Повторю, что это положение выдвинуто как абсолютное, причем возможность альтернативных трактовок любой субъект-предикатной конструкции представляется мне твердо установленной. Гипотеза альтернативности, насколько я знаю, прежде никем не высказывалась.

Но почему субъект и предикат образуют «конструкцию» и что, собственно, означает здесь слово «конструкция»? Предложение возникает тогда, когда слова связываются воедино; а ядром такой связанности слов в предложение служит связанность субъекта и предиката. Субъект и предикат — не два слова, поставленные рядом, и даже если мы укажем на формальные синтаксические признаки того, что они являются подлежащим и сказуемым предложения, мы не ответим на вопрос, что именно связывает их воедино и как именно происходит такое связывание. Ответ на этот вопрос лежит за пределами изучения формальных языковых средств.

Где же именно? В предложении «машина едет» мы можем выделить подлежащее и сказуемое; но мы не можем не признать, что в мысли и в реальности это всегда нечто единое: нет никакого «едет», отдельного от «машины», коль скоро мы говорим о событии, отраженном в языке как «машина едет». Событие «машина едет» — это одно событие, а не две отдельных сущности. Потом, в нашем анализе, мы обнаружим, что «едет» может быть отделено от «машины» и приписано другому субъекту («велосипед едет»); а «машина» может получить другой предикат («машина стоит»). Но и в этих случаях мы получим два разных события, каждое из которых является чем-то одним и неразложимым: «велосипед едет» — не две

различных сущности, а событие движения велосипеда, равно как «машина стоит» — это событие стояния машины, а не две разных вещи.

Так как же происходит этот переход, этот перескок от двух раздельных, рядоположенных слов к предложению, т. е. к единому значению, которому соответствует единое событие? В чем тайна связывания субъекта и предиката в нечто одно; такого связывания, которое может быть и развязано, поскольку мы можем в нашем анализе отделить субъект от предиката и манипулировать ими отдельно и самостоятельно? Мы подробно говорили об этом, прежде всего — в «Шкатулке скупца». Здесь был дан ответ на вековой вопрос о том, почему и благодаря чему мы способны в своей мысли связывать в нечто одно и неразделимое то, что разделено, отрезано одно от другого в нашем языке. А значит, и на вопрос о том, *как возможна грамматика мысли, не повторяющая грамматику языка.*

Не буду пересказывать все то, что было сказано об этом в книге. Но можно дать намек, привести наводящий пример, который напомним читателю, в чем суть дела и о чем шла речь. Предложение «машина едет» мы можем перевести в эквивалентную форму «машина есть едущая», указав на присущность движения машине. Эта присущность и делает возможным единство предиката и субъекта: предикат, присущий субъекту, совершенно естественно становится не чем-то отдельным от него, а им самим. Самим ли навсегда или только на время — это уже вопрос различения сущностных и акцидентальных признаков, но он не имеет никакого отношения к устройству предикации. Вот в чем дело: технология предикации, технология связывания субъекта и предиката в нечто единое никак не зависит от решения философского вопроса о сущностных или случайных признаках.

Итак, в книге дан ответ на вопрос о том, как и почему, благодаря каким интуициям и каким «технологиям» субъект и предикат связываются воедино, т. е. как осуществляется предикация. Но не только это; и даже не это главное. Важнее, с моей точки зрения, то, что такое связывание субъекта и предиката, т. е. рождение мысли, может осуществляться не по единственной, а по двум технологиям, не просто различным, но альтернативным.

Поясно это опять-таки намеком и примером, поскольку с подробным разбором этого вопроса читатель имел возможность познакомиться в книге. Если я оперся на стену вагона метро, прислонившись к ней, и перенес на нее свой вес, чтобы дать отдых телу; или — пусть воображение переместит нас на сотни лет назад в среду совсем другого народа — оперся на седло, поставив его на пол и сев, прислонившись к нему, после долгой езды (арабский пример¹), то опирающееся и опора образовали единство, это уже не два раздельных предмета, они связались в нечто одно. Однако это — не единство присущности. Если стена опирается

¹ См. [Укбари 1995, 1: 387]. Пример основан на бейте Имру' ал-Қайса, знаменитого доисламского поэта. Разбор бейта с показом его смысла см. [Ибн Хишам 1984: 420], [Касим б. Салам 1396, 1: 18].

на фундамент, это — единство дома (иначе дом рассыпется), но здесь нет никакой присущности. Это другой тип связи.

Что это за связь и почему и как она определяет единство субъекта и предиката — не только в предложении, не только в грамматике языка, но и в грамматике мысли? Как возможна мысль, выстроенная не на идее присущности и — более того и самое главное — не переводимая в категории присущности?

Мы знаем целый ряд логик, претендующих на то, чтобы расширить, заменить и чуть ли не упразднить аристотелевскую логику присущности. Но если логика присущности — это не логика философского учения о сущности, а логика устройства предикации, логика базового завязывания мысли, то эти логики едва ли могут быть сочтены для нее альтернативой. Потому что для них базовой, глубинной операцией завязывания мысли, связывания субъекта и предиката остается логика присущности (взятая, повторю, как логика предидирования, а не как философское учение).

Если я говорю «Москва южнее Петербурга, а Сочи южнее Москвы, значит, Сочи южнее Петербурга», я не оперирую никакими философскими сущностями. Это верно; но логика отношений построена на той же базовой операции предидирования, которую я называю логикой присущности, и безусловным показателем этого служит тот факт, что я всегда могу сказать: «Москва есть город южнее Петербурга, а Сочи есть город южнее Москвы, следовательно, Сочи есть город южнее Петербурга». Логика отношений может быть выражена через предикационную логику присущности, но не наоборот: далеко не любое предложение, выражающее присущность предиката субъекту, может быть выражено в логике отношений. Именно поэтому «S есть P» остается здесь фундаментальной и базовой формулой предикации, а не «a R b» при тех толкованиях «a», «R» и «b», которые характерны для логики отношений. Формула «a R b» выражает не альтернативную «S есть P», а лишь иначе сформулированную логику предикации.

Однако логика предикации, действительно альтернативная логике присущности, возможна. Как именно — об этом подробно говорилось в книге; а если намеком — это логика опирания, а не логика присущности. Это — логика процессуальности, а не логика субстанциальности (и «процессуальность», и «субстанциальность» указывают лишь на устройство предикации, а не на философские учения). Для краткости они были названы С-логика и П-логика. Эти логики априорны и универсальны, и если они и открыты в каком-то этническом субстрате, греческом или арабском, они от этого не становятся этнически определенными. Растения-эндемики могут, при соответствующих условиях, распространиться по земному шару; точно так же любая из логик предикации, открытая той или иной культурой человечества, не привязана неотрывно к своей исторической родине.

И последнее. Если (во-первых) верна гипотеза альтернативности и, следовательно, априори возможны две грамматики мысли, две логики субъект-предикатного связывания, и если (во-вторых) текст на естественном или искусственном языке *никогда* не указывает на то, какая именно из альтернативных логик задействована

при его создании и, следовательно, должна быть приведена в действие при его прочтении, то обе логики возможны как «механизмы» осмысления. Нельзя говорить о смысле текста, не эксплицируя эти две альтернативные возможности и не показывая, как осмысленность создается альтернативными, но равно закономерными путями в этих двух случаях. Такая методология универсальна, поскольку применима везде, где мы имеем дело с субъект-предикатными конструкциями; а с ними мы имеем дело везде, где имеем дело с осмысленностью. Субъект-предикатное конструирование — ядро сознания, и именно понимание закономерностей такого конструирования дает возможность изучения закономерностей функционирования сознания.